

ДЖЕЙМС БАРРИ

ПИТЕР ПЭН

ИЛЛЮСТРАЦИИ Л. МАРАЙЯ

Золотое наследие (Эксмо)

Джеймс Барри

Питер Пэн

«ЭКСМО»

1911

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Барри Д. М.

Питер Пэн / Д. М. Барри — «Эксмо», 1911 — (Золотое наследие (Эксмо))

ISBN 978-5-04-116537-6

Опасно помогать незнакомцу, особенно тому, кто теряет свою тень. Но отважная девочка Венди не может отказать в помощи очаровательному мальчишке. Её доброта и отзывчивость положат начало крепкой дружбе и невероятным приключениям. Героев ждут удивительные события на острове вечного детства: встречи с индейцами и русалками, битвы с коварными пиратами, веселье и много звонкого смеха. В таком чудесном краю нет места для грусти и тоски по дому, так стоит ли возвращаться? Перед Венди и её братьями стоит сложный выбор... В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-93

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-116537-6

© Барри Д. М., 1911

© Эксмо, 1911

Содержание

Питер прорывается	6
Тень	15
Улетаем, улетаем!	26
Полёт	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джеймс Барри Питер Пэн

J.M. Barrie

Peter Pan

Original artwork © Libico Maraja Association, 2014

Use without permission is strictly prohibited.

Иллюстрации Либико Марайи

Серия «Золотое наследие»

© Перевод на русский язык, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Питер прорывается

Все дети когда-нибудь становятся взрослыми – все, кроме одного. Очень скоро они узнают, что вырастут, и вот как узнала об этом Венди. Ей исполнилось два года, и как-то раз, играя в саду, Венди сорвала какой-то цветок и побежала с ним к маме. Полагаю, в этот момент она была очаровательна, поскольку миссис Дарлинг воскликнула:

– Вот бы ты всегда оставалась такой!

И хотя больше они не произнесли на эту тему ни слова, отныне Венди знала, что взросление неминуемо. Вы всегда узнаете об этом в два года. Два – это начало конца.

Они жили в доме под номером 14, и, пока на свет не появилась Венди, её мама была там главной. Эта привлекательная леди обладала романтическим характером и очаровательным, готовым растянуться в улыбке ртом. Этот её характер можно сравнить с замысловатыми восточными шкатулками, вложенными одна в другую. Вы открываете шкатулку, а в ней всегда спрятана ещё одна. Вот так же и смеющийся рот миссис Дарлинг всегда хранил ещё один маленький поцелуй, который Венди никак не удавалось поймать, хотя он явно прятался в правом уголке губ.

А вот как сумел завоевать её сердце мистер Дарлинг. Множество джентльменов, которые были юношами в то время, когда мама Венди была девушкой, вдруг одновременно поняли, что любят её, и ринулись к её дому, чтобы сделать ей предложение, но мистер Дарлинг перехитрил всех: схватил кеб и прилетел первым. Он-то и получил её в жёны, получил целиком, кроме самой последней маленькой шкатулки – поцелуя, притаившегося в уголке рта. Впрочем, о существовании шкатулки он и не догадывался, а что касается поцелуя, то с годами смирился и перестал его искать. Венди приходило на ум, что, возможно, его смог бы получить Наполеон, но перед глазами встаёт картина: вот он пытается, а затем в бешенстве убегает, хлопнув дверью.

Мистер Дарлинг частенько хвалился Венди, что мама не только любит его, но и уважает. Он принадлежал к тем глубокомысленным джентльменам, которые знают всё об акциях и доходах. По правде сказать, в них никто до конца не разбирается, но мистер Дарлинг часто рассуждал о том, что акции пошли вверх, а доходы вниз, с таким умным видом, что ни одна женщина просто не смогла бы его не уважать.

Миссис Дарлинг выходила замуж в белом платье и поначалу с таким энтузиазмом записывала в книгу все расходы, словно это была весёлая игра, и ни один, даже самый маленький, кочанчик брюссельской капусты не оставался ею не замеченным, однако постепенно стала пропускать даже крупные кочаны цветной капусты, а вместо них в бухгалтерской книге появлялись изображения младенцев без лиц. Так миссис Дарлинг видела будущее.

Сначала появилась Венди, затем Джон и, наконец, Майкл.

Пару недель после рождения Венди родителям не было ясно, смогут ли они её прокормить, поскольку в семье появился ещё один рот. Мистер Дарлинг очень гордился малышкой, но, будучи честным джентльменом, уселся на край кровати миссис Дарлинг и, взяв её за руку, принялся подсчитывать расходы. Она смотрела на мужа умоляющими глазами, потому что считала: надо рискнуть, а там будь что будет, – но мистер Дарлинг был не таков.

Вооружившись карандашом и бумагой, он занялся подсчётами, но стоило жене высказать какие-то свои соображения, сбивался и просил:

– Пожалуйста, не перебивай! У меня фунт семь шиллингов здесь и два фунта шесть в конторе. Я могу не пить кофе в конторе, и это даст десять шиллингов. Получаем два фунта девять шиллингов семь пенсов. Теперь пять фунтов из моей чековой книжки – получаем восемь фунтов девять шиллингов семь пенсов... Эй, кто там возится? Итак, восемь, девять, семь, запятая. Переносим девять – ни слова, дорогая! – фунт, который ты дала займы соседу... Тише, малышка! Да покачай ты её! Так-так... Я сказал девять фунтов девять шиллингов семь пенсов? Да, именно девять фунтов девять шиллингов семь пенсов. Вопрос: сможем ли мы прожить год при таком недельном бюджете?

– Конечно, сможем, Джордж! – воскликнула миссис Дарлинг.

Мистер Дарлинг видел, что жена настроена в пользу Венди, но чувствовал всю свою ответственность, поэтому напомнил почти угрожающим тоном:

– Не забудь про свинку! Свинка – один фунт, это я записал, но, думаю, скорее всего обойдётся в тридцать шиллингов... Не перебивай!.. корь – один фунт пять шиллингов, краснуха – полгинеи. Получаем два фунта пятнадцать шиллингов шесть пенсов... коклюш посчитаем за пятнадцать шиллингов...

Это продолжалось целую вечность, и каждый раз результат отличался от предыдущего. Но наконец Венди была «подсчитана» (при этом свинку сократили до двадцати шести шиллингов, а корь и краснуха пошли как одна болезнь).

Те же самые беспокойства переживались по поводу появления Джона, а у Майкла шансов было ещё меньше, но в результате оставили всех и вскоре можно было видеть, как, держась за руки, они идут в детский сад мисс Фулсом в сопровождении своей няни.

Миссис Дарлинг любила, чтобы во всём был порядок, а мистер Дарлинг хотел, чтобы всё было как у соседей, поэтому, само собой разумеется, у них имелась няня. Поскольку семья не могла похвастаться достатком по причине большого количества молока, потребляемого детьми, няней у них служила серьёзная собака породы ньюфаундленд по кличке Нана, у которой не было хозяев, пока её не наняли Дарлинги. Тем не менее она всегда очень ответственно относилась к детям, и Дарлинги свели с ней знакомство в Кенсингтонском саду, где Нана боль-

шую часть своего свободного времени заглядывала в детские коляски и строго следила за нерадивыми нянями, чтобы потом пожаловаться их хозяйкам.

В качестве няни собака оказалась настоящим сокровищем: добросовестно относилась ко всем своим обязанностям, включая купание детей, и с готовностью вскакивала даже ночью, стоило кому-нибудь из её подопечных только пискнуть. Разумеется, её конура стояла в детской. Каким-то особенным чутьём Нана знала, когда на детский кашель не стоит обращать особого внимания, а когда требуется завязать горло шерстяным чулком. Она верила только в старые проверенные средства типа листьев ревеня и презрительно фыркала при упоминании всех этих новомодных теорий о микробах и прочей ерунде.

Весьма поучительно было видеть, как она сопровождает детей в школу, степенно вышагивая сбоку, когда они вели себя хорошо, и собирает в шеренгу, если они разбредались. Когда Джон шёл играть в футбол, она никогда не забывала захватить с собой его свитер и имела обыкновение таскать в зубах зонт на случай дождя. В подвале школы мисс Фулсом имелась комната, где няни ожидали детей. Они сидели на скамьях, а Нана лежала на полу, – вот и вся разница. Они подчёркнуто игнорировали её, считая существом низшего сорта, а она презирала их за пустую болтовню. Нана не одобряла, когда в детскую заходили знакомые миссис Дарлинг, но если уж такое было неизбежно, то первым делом стаскивала с Майкла передник и надевала тот, что обшит голубой тесьмой, одёргивала платье на Венди и прилизывала волосы Джону.

В качестве няни Нана была безупречна, и мистер Дарлинг понимал это, но порой его одолевали сомнения, что же говорят по этому поводу соседи: приходилось думать о своём положении в городе, – однако этим его беспокойство относительно Наны не ограничивалось.

Порой ему казалось, что собака его за что-то невзлюбила, хотя миссис Дарлинг убеждала мужа в обратном: «Ну что ты, дорогой, я знаю, что она от тебя в восторге». При этом она незаметно делала знак детям, чтобы были сегодня особенно учтивы с отцом.

И тут начиналось веселье. В таких развлечениях иногда разрешалось участвовать их единственной служанке Лизе. В длинной юбке и чепчике, она напоминала Дюймовочку, хотя, когда её нанимали, клялась, что ей давно исполнилось десять лет. Как же они веселились! И больше всех радовалась миссис Дарлинг: выделяла такие умопомрачительные пируэты, что от неё был виден один лишь поцелуй, и тому, кто догнал бы её, он, пожалуй, мог достаться. Они были самой счастливой семьёй, пока не появился Питер Пэн.

Впервые миссис Дарлинг наткнулась на его имя, когда приводила в порядок мысли своих детей. Обычно по ночам, когда дети спят, все заботливые мамы прибираются в их мыслях, раскладывая по местам всё, что перемешалось за день. Если бы вы не спали (что, конечно, невозможно), то могли бы посмотреть, как это делается, и наверняка нашли бы весьма интересным. Вам бы это напомнило уборку в ящиках шкафа. Вот мама, стоя на коленях у кровати, с улыбкой перебирает ваши мысли, удивляясь, как могло то или иное прийти в эту светлую головку, делая для себя открытия – приятные и не очень. Вот что-то ей попало под руку, и она прижала это, словно пушистого котёнка, к щеке, а вот что-то, напротив, торопливо убрала подальше с глаз долой. Когда утром вы проснётесь, все шалости и недобрые мысли, с которыми легли в постель, будут свёрнуты и спрятаны на самое дно, а сверху, хорошенько проветренные, будут разложены все добрые намерения – бери да надевай.

Не знаю, доводилось ли вам когда-нибудь видеть карту человеческих мыслей. Доктора иногда изображают другие части тела, но карта мыслей была бы куда интереснее. Вот только поди попробуй поймать детские мысли, не только беспорядочные, но и порядком запутанные. На такой карте будут зигзаги, похожие на температурный график, но больше они всё же напоминают дороги на острове, потому что Нигделандия как остров – вся в разноцветных пятнах. Здесь есть и коралловые рифы, и быстроходные суда на горизонте, и дикари, и заброшенные хижины, и гномы-портняжки, и пещеры с подземными реками, и принцы, у которых шесть старших братьев, и наспех построенные шалаши, и одна высохшая от старости леди с крючковатым носом. Это была бы совсем простая карта, если бы отображала только всё перечисленное, но есть ещё первый день в школе, религия, папа, круглый пруд, шитьё, убийства, виселицы, непреходящие глаголы, шоколадный пудинг, фигурные скобки, три пенса в награду за то, что сам вытащил качавшийся зуб, и так далее и тому подобное. Либо всё это будет частью острова, либо попадёт на другую карту, но в любом случае всё выглядит достаточно запутанно, поскольку не стоит на месте.

Разумеется, Нигделандия у каждого своя: например, у Джона – это лагуна с парящими в небе фламинго, на которых он охотился, а у Майкла, как у самого маленького, напротив, лагуны парили над фламинго. В своей выдуманной стране Джон жил на песке в перевёрнутой лодке, Майкл – в вигваме, а Венди – в хижине из листьев, сшитых друг с другом; у Джона не было друзей, к Майклу друзья приходили по ночам, а Венди дружила с волчком, которого бросили родители. Несмотря на различие, все эти нигделандии имели фамильное сходство, и если поставить их рядом, то станет ясно, что у них одинаковые носы и прочие черты. К их волшебным берегам, где можно вволю наиграться, дети причаливают в своих лодках. Мы тоже бывали там, порой даже ещё слышим шум прибоя, но на берег нам уже не ступить никогда.

Из всех красивых островов этот самый уютный и компактный, с довольно большими расстояниями от приключения до приключения и совсем не скучный. Днём, когда вы играете в Нигделандию со стульями и скатертью, она совсем не страшная, но за две минуты до того, как заснёте, оживает. Вот для чего нужны ночные лампы.

Время от времени, перебирая мысли своих детей, миссис Дарлинг натыкалась на то, что не всегда могла объяснить, и самым загадочным было слово «Питер». Она знать не знала ника-

кого Питера, но тем не менее он временами возникал в мыслях Джона и Майкла, а что касается Венди, так её мысли были просто напигованы этим именем. Слово «Питер» было выведено жирными буквами поверх других слов, и чем больше мисс Дарлинг вглядывалась в него, тем более дерзким оно ей казалось.

– Да, ты права: он довольно дерзкий, – с сожалением признала Венди, когда мама приступила к расспросам.

– Но кто это, родная?

– Как кто? Питер Пэн.

Сначала миссис Дарлинг не знала, что и думать, но затем, мысленно покопавшись в своём детстве, припомнила какого-то Питера Пэна, который якобы жил среди фей и эльфов. О нём рассказывали разные странные истории: например, будто бы он провожал детей, которые умирали, чтобы им не было страшно. Тогда она тоже в него верила, но сейчас, став матерью семейства и преисполнившись здравого смысла, сомневалась, существовал ли он на самом деле.

– Но он ведь должен быть взрослым теперь, – несколько растерянно заметила миссис Дарлинг.

– А вот и нет! – убеждённо воскликнула Венди. – Он точно такой, как я.

Миссис Дарлинг поняла, что дочь имела в виду – точно такой же по росту и развитию. Откуда Венди это было известно, она и сама не понимала.

Миссис Дарлинг решила посоветоваться с мужем, но он лишь с улыбкой отмахнулся:

– Поверь, всей этой ерунды они нахватились от Наны: такое могло прийти только в собачью голову. Не обращай внимания, и всё само собой пройдёт.

Однако ничего само собой не прошло, и очень скоро проказливый мальчишка поверг миссис Дарлинг в шок.

Дети часто совсем не придают значения странностям, которые с ними происходят: могут, например, сказать, что на прошлой неделе во время прогулки встретили своего умершего отца и он даже поиграл с ними.

Вот и Венди однажды утром сделала неожиданное признание. Заметив на полу детской листья, которых там точно не было, когда дети ложились спать, миссис Дарлинг была в недоумении, а Венди снисходительно бросила:

– Наверняка это опять Питер!

– Что ты имеешь в виду?

– Он никак не привыкнет вытирать ноги, – вздохнула Венди, сама будучи очень аккуратной, и, как само собой разумеющееся, поведала маме, что Питер иногда по ночам приходит в детскую, садится в изножье её кровати и играет на дудочке.

К сожалению, добавила Венди, она никогда не просыпается и поэтому не знает, откуда ей это известно, – просто известно, и всё.

– Что за ерунда! Никто не может войти в дом, не постучав в дверь.

– Думаю, он приходит через окно, – парировала девочка.

– Но ведь детская на третьем этаже!

– А как же листья на полу у окна, мамочка?

С этим не поспоришь: листья действительно лежали возле окна.

Миссис Дарлинг не знала, что и думать: Венди говорила об этом, как о чём-то совершенно обыденном, так что невозможно было даже предположить, что ей всё приснилось.

– Доченька, а почему же ты мне раньше ничего не говорила?

– Просто забыла, – пожала плечами Венди и поспешила к завтраку.

Конечно, всё это ей только приснилось, но листья... Миссис Дарлинг внимательно их изучила: сухие, но с какого растения – непонятно, в Англии такие не встречаются.

Опустившись на колени и вооружившись свечой, миссис Дарлинг обследовала каждую половицу в надежде обнаружить какие-нибудь странные следы, пошуровала кочергой в дымоходе и простучала стены. Так ничего и не обнаружив, она взяла мерную ленту и опустила из окна. Коснувшись земли, та остановилась на отметке тридцати футов, а у них не было даже

водосточной трубы, по которой можно было бы вскарабкаться наверх. Вариант с окном отпал: определённо Венди всё приснилось.

Следующей ночью, с которой, собственно, и начались необыкновенные приключения детей, выяснилось, что это вовсе не сны.

Случилось так, что у Наны был выходной, поэтому миссис Дарлинг в положенное время сама искупала детей, уложила в кровати и спела колыбельную. Когда дети один за другим отпустили её руку и отправились в царство сна, миссис Дарлинг в душе посмеялась над своими страхами и спокойно уселась за шитьё к камину. Это была рубашка для Майкла, подарок ко дню рождения, когда он должен был надеть её в первый раз. Всё выглядело уютно и безмятежно, от камина шло тепло, три ночника создавали мягкий полумрак, и очень скоро шитьё уже лежало на коленях миссис Дарлинг.

Поначалу она тихонько клевала носом, но, надо сказать, делала это весьма изящно, а затем по-настоящему уснула. Ну до чего умильная картина: Венди и Майкл мирно посапывают в глубине комнаты, Джон – поближе, а мама у камина. Воистину доставало лишь четвёртого ночника.

А миссис Дарлинг снилась своя Нигделандия. Вот она подступила совсем близко, и от неё словно отделился странного вида, но вовсе не страшный мальчик. Его лицо казалось знакомым и напоминало лица женщин, у которых не было детей, хотя и некоторых тех, у кого были, тоже. В её сне он словно разорвал завесу, отделявшую от них Нигделандию, и миссис Дарлинг увидела, что в образовавшуюся дырку Венди, Джон и Майкл просунули свои мордашки.

Сам по себе этот сон ничего особенного не представлял, но, пока она спала, окно детской отворилось и на пол с подоконника прыгнул мальчик. Его сопровождал странный огонёк, размером не больше кулачка, который метался по комнате, словно живое существо. Похоже, именно он и разбудил миссис Дарлинг.

Увидев мальчика, в котором тотчас каким-то образом узнала Питера Пэна, она вскрикнула. Будь там в тот момент кто из нас или Венди, мы бы признали в нём сходство с поцелуем миссис Дарлинг. Это был симпатичный мальчуган, одетый в сухие листья, скреплённые древесным соком, однако самым поразительным в нём были ослепительно-белые молочные зубы, которыми он заскрежетал, увидев перед собой не ребёнка, а взрослого.

Тень

Миссис Дарлинг вскрикнула, и, словно по сигналу, дверь распахнулась, в комнату вбежала Нана, вернувшаяся после выходного, зарычала и бросилась было на мальчика, но тот мгновенно выпрыгнул в окно. Из груди миссис Дарлинг вырвался вопль ужаса, и она бросилась на улицу искать маленькое тело, но его нигде не было. Миссис Дарлинг подняла голову, но в ночном небе ничего, кроме, как ей показалось, падающей звезды, не было видно.

Вернувшись в детскую, миссис Дарлинг обнаружила, что Нана держит что-то в зубах, и это «что-то» оказалось тенью мальчика. Когда тот прыгнул в окно, собака проворно толкнула раму и, хотя поймать его самого не успела, тень всё же прищемила.

Разумеется, миссис Дарлинг внимательно тень осмотрела, но та оказалась совершенно обыкновенной.

Нана быстро сообразила, как распорядиться тенью: вывесила за окно, рассудив, что ночной гость непременно за ней вернётся. Вот пусть забирает, а детей не будит. Но миссис Дарлинг не могла допустить, чтобы тень болталась за окном, словно какое-то бельё после стирки в домах бедняков. Ей хотелось показать тень мистеру Дарлингу, но тот подсчитывал, на чём сэкономить, чтобы купить зимние пальто Джону и Майклу. Голова его была обвязана мокрым полотенцем для прояснения мозгов, и беспокоить его она не решилась. К тому же она знала, что услышит: «Вот что значит иметь нянькой собаку».

Миссис Дарлинг решила свернуть тень и аккуратно положить в ящик шкафа до того момента, когда можно будет показать её мужу.

Момент этот настал неделю спустя, в ту роковую пятницу. (Когда же ещё, если не в пятницу?)

– Мне бы следовало проявить особую бдительность в пятницу, – часто сетовала потом миссис Дарлинг мужу и стоявшей тут же Нане.

– Нет и нет! – всегда возражал ей мистер Дарлинг. – Это только моя вина. Именно я, Джордж Дарлинг, несу полную ответственность за случившееся.

Будучи джентльменом чрезвычайно образованным, он часто выражался по-книжному.

Каждую ночь они вспоминали ту злополучную пятницу, до тех пор пока все подробности произошедшего не отпечатались у них в мозгу и не проступили на его обратной стороне, как это бывает у плохо отчеканенных монет.

– Зачем только я приняла это приглашение на обед... – горестно вздыхала миссис Дарлинг.

– Зачем только я налил лекарство в миску Наны... – сокрушался мистер Дарлинг.

«Зачем только я не притворилась, что люблю лекарства...» – можно было прочесть в полных слёз глазах Наны.

Время от времени кто-нибудь из них разражался слезами: например Нана, повторяя про себя: «Конечно-конечно, не надо было им нанимать в няньки собаку».

Частенько именно мистер Дарлинг прикладывал носовой платок к глазам убитой горем собаки.

– А всё этот негодник! – взрывался временами мистер Дарлинг, и Нана вторила ему лаем.

Одна лишь миссис Дарлинг ни разу не упрекнула Питера – что-то в правом уголке рта не позволяло его ругать.

Так они и сидели в опустевшей детской, вспоминая все мельчайшие подробности того ужасного вечера.

А начался он вполне обычно, точно так же, как сотни вечеров до этого: Нана наполнила ванну водой, посадила Майкла себе на спину и понесла купаться.

– Я не хочу спать! – кричал он так, словно последнее слово всегда оставалось за ним. – Не пойду, не буду! Ещё и шести нет, а ты меня тащишь в ванную. Я больше тебя не буду любить, Нана! Не хочу купаться, не хочу, не хочу!

Тут в детскую вошла миссис Дарлинг, одетая в белое вечернее платье. Это был раз и навсегда установленный ритуал, потому что Венди обожала, когда мама была в вечернем платье с бусами, которые подарил ей папа. На руке у миссис Дарлинг красовался браслет Венди: ей очень нравилось давать маме поносить свои браслеты.

Старшие дети как раз играли в дочки-матери, воспроизводя в ролях тот день, когда родилась Венди. Джон голосом папы говорил:

– Рад сообщить вам, миссис Дарлинг, что вы стали матерью.

Венди, изображавшая маму, радостно закружилась, как ей казалось, должна была поступить её мама.

Затем «родился» Джон, и это событие произошло с большей помпой, как, по мнению Джона, и должно обставляться рождение мальчика, а когда из ванной появился Майкл и попросил «тоже родиться», Джон безжалостно заявил, что больше детей им не нужно.

Майкл чуть не заплакал и проговорил со вздохом:

– Никому я не нужен!

Этого, разумеется, леди в вечернем платье не смогла вынести и воскликнула:

– Нужен! Мне нужен! Я так хочу третьего ребёнка!

– Мальчика или девочку? – спросил Майкл без особой надежды.

– Мальчика, только мальчика!

Майкл бросился к матери в объятия. Вроде бы ничего особенного, как тогда показалось и самим Дарлингам, и Нане, но это была последняя ночь, которую Майкл провёл в детской.

Они продолжали вспоминать.

– И тут, помните, в комнату вихрем влетел я, – обычно говорил в этом месте мистер Дарлинг с раскаянием в голосе, но именно так оно и было.

Вероятно, его поведению можно было найти некоторое оправдание. Он собирался в гости, и всё шло прекрасно, пока не дошла очередь до галстука. Это может показаться странным, но человек, прекрасно разбиравшийся в акциях и капиталах, порой оказывался абсолютно бессильным перед галстуком. Иногда этот аксессуар подчинялся хозяину беспрекословно, но случалось и так, что обитатели дома молились, чтобы он переступил через свою гордость и надел галстук с готовым, уже завязанным узлом.

В тот день был именно такой случай. Мистер Дарлинг влетел в детскую с перекрученным непокорным негодником в руках.

– Что-то случилось, папочка?

– Да уж, случилось! – прямо-таки взревел мистер Дарлинг. – Этот предмет не завязывается! Во всяком случае, вокруг моей шеи. Вокруг ножки кровати – пожалуйста, хоть сто раз, но вокруг моей шеи – ни за что! Боже мой, ни за что! Вот так!

Не рассчитывая, что произвёл на жену должное впечатление, мистер Дарлинг сурово продолжил:

– Предупреждаю: до тех пор, пока на моей шее не будет галстука, на обед мы не пойдём, а если мы не пойдём на обед сегодня, то ноги моей никогда больше не будет в конторе, а если я не стану ходить в контору, мы все будем голодать и дети окажутся на улице.

Однако даже после этого спича миссис Дарлинг умудрилась сохранить спокойствие:

– Позволь мне, дорогой.

Мистер Дарлинг, собственно, за этим и пришёл. Дети молча стояли рядом, пока миссис Дарлинг ловкими прохладными руками повязывала мужу галстук.

Наверное, найдутся мужчины, которых возмутила бы та лёгкость, с которой женщина справилась с галстуком, однако мистер Дарлинг, человек по натуре добрый, лишь беззаботно поблагодарил жену, через секунду забыв про гнев, а через две уже гарцуя по комнате с Майклом на плечах.

– Как же нам в этот день было весело! – вздохнула миссис Дарлинг.

– В последний раз, – простонал мистер Дарлинг.

– Джордж, а помнишь, как Майкл вдруг спросил: «А как ты узнала обо мне, мама?»?

– Ещё бы не помнить!

– Как они были милы! Правда, Джордж?

– Это были наши, наши дети, а сейчас их нет.

В тот вечер их веселью помешала Нана. Стоило ей появиться в детской, как мистер Дарлинг принялся громко выражать своё неудовольствие по поводу того, что её шерсть оказалась на его брюках. Самое печальное заключалось в том, что это были не просто брюки, а совершенно новые брюки, к тому же первые в жизни мистера Дарлинга брюки со штрипками, и он закусил губу, чтобы не расплакаться.

Конечно, миссис Дарлинг их вычистила, но муж опять заявил, что взять в няньки собаку было с их стороны большой ошибкой.

– Джордж, ты не прав: Нана настоящее сокровище.

– Согласен, но у меня порой возникает подозрение, что она смотрит на детей, как на щенков.

– Ну что ты, дорогой, я уверена: ей известно, что у них есть душа.

– Как знать, – задумчиво протянул мистер Дарлинг, – как знать.

Миссис Дарлинг решила, что настал подходящий момент рассказать мужу о странном мальчике. Поначалу он было отмахнулся, но затем, стоило показать тень, призадумался и в конце концов заключил:

– Нет, никого похожего я не знаю, но сдаётся мне, что это какой-то негодник.

Они опять вернулись к недавнему прошлому.

– Помнишь, мы как раз обсуждали тень, – заметил мистер Дарлинг, – когда вошла Нана с лекарством для Майкла. Теперь никогда не придётся носить в зубах лекарство, и в этом виноват только я.

Каким бы сильным человеком ни был мистер Дарлинг, стоит признать, что в случае с лекарством он повёл себя довольно глупо. Ему почему-то казалось, что, в отличие от сына, он сам всю жизнь храбро глотал лекарства. И теперь, когда Майкл увернулся от ложки, которую держала в зубах Нана, мистер Дарлинг укоризненно произнёс:

– Будь мужчиной, Майкл.

– Не буду! – капризно закричал ребёнок.

Миссис Дарлинг отправилась за шоколадкой для малыша, а мистер Дарлинг решил, что здесь нужна строгость.

– Не надо ему потакать! – крикнул он вслед жене и добавил, уже сыну: – Майкл, в твоём возрасте я пил лекарство безропотно да ещё приговаривал: «Спасибо, дорогие родители, за то, что лечите».

Мистер Дарлинг сам сейчас в это верил, а Венди приняла его слова за чистую правду и попыталась подбодрить Майкла:

– То лекарство, которое пьёт папочка, гораздо противнее, правда?

– Гораздо, – бодро согласился с дочерью мистер Дарлинг, – и сейчас я его выпью, чтобы доказать тебе, Майкл, что я говорю правду, если, конечно, не потерял бутылочку с лекарством.

На самом деле ничего он не потерял, а однажды ночью, взобравшись на стул, спрятал лекарство на самую верхнюю полку в шкафу. Однако ему было невдомёк, что верная Лиза обнаружила бутылочку и водрузила на прежнее место – на столик в ванной.

– Я знаю, где она! – воскликнула Венди, всегда готовая услужить. – Сейчас принесу.

Она так быстро умчалась, что мистер Дарлинг не успел её остановить, настроение у него непонятным образом испортилось.

– Джон, – сказал он, передёрнувшись, – это жуткая гадость: противная, тягучая, сладковатая.

– Но это ничего! – весело отреагировал Джон.

И в этот момент в комнату вбежала Венди с лекарством в стакане и, с трудом отдышавшись, произнесла:

– Простите, но я торопилась.

– Ты удивительно быстро обернулась, – ответил мистер Дарлинг с сарказмом, которого дочь не поняла, и жёстко заявил: – Сначала Майкл!

– Нет, папа! – заупрямился Майкл, не желая никому верить на слово.

– Меня может стошнить, – с угрозой предупредил мистер Дарлинг.

– Ничего. Давай, папа, – призвал Джон.

– Да помолчи ты! – осадил его отец.

Венди была обескуражена:

– Папа, мне казалось, тебе это ничего не стоит...

– Дело не в этом... – стушевался мистер Дарлинг, его гордость ужасно страдала. – Просто в стакане лекарства гораздо больше, чем у Майкла в ложке. Это несправедливо, и я на этом настаиваю!

– Папа, я жду, – потребовал Майкл.

– Ишь ты, он ждёт! Я тоже жду.

– Папа – трусишка.

– Сам ты трусишка!

– Я не боюсь.

– И я не боюсь.

– Тогда давай пей!

– Сам пей!

Тут Венди осенило:

– Почему бы вам не выпить лекарство одновременно?

– Я согласен, – сказал мистер Дарлинг. – Ты готов, Майкл?

Венди принялась считать: раз, два, три, – и Майкл проглотил лекарство, а мистер Дарлинг спрятал стакан за спину.

Заметив обман, Майкл в ярости завопил, а Венди воскликнула:

– Ну папа!

– Что значит «ну папа»? – рассердился мистер Дарлинг. – Прекрати истерику, Майкл. Я собирался выпить лекарство, но... промахнулся.

Все трое смотрели на него так, словно перестали уважать.

– Послушайте, – умоляюще произнёс мистер Дарлинг, когда Нана вышла в ванную, – я придумал отличную шутку. Я вылью своё лекарство в миску Наны, и она вылакает его, приняв за молоко.

Лекарство действительно было белого цвета, но дети не поняли юмора своего отца и с осуждением наблюдали, как он выливает лекарство в собачью миску.

– Посмеёмся, – с сомнением в голосе произнёс мистер Дарлинг, и дети не посмели выдать его, когда вернулись миссис Дарлинг и Нана.

– Нана, хорошая псина, – погладил собаку мистер Дарлинг, – я налил тебе молочка.

Виляя хвостом, Нана подбежала к миске и стала лакать лекарство, а когда подняла на мистера Дарлинга глаза, в них не было злости, только слёзы, безмолвные слёзы благородной собаки. Затем она тихо забралась в свою конуру.

Мистеру Дарлингу было ужасно стыдно, но он не сдавался. В напряжённой тишине миссис Дарлинг взяла миску и понюхала.

– О, Джордж, это же твоё лекарство!

– Я просто пошутил! – воскликнул мистер Дарлинг, пока жена успокаивала мальчиков, а Венди гладила Нану, и с горечью продолжил:

– Отлично! Я из кожи вон лезу, чтобы вас развеселить, а вы...

Венди продолжала гладить Нану, остальные молчали.

– Давайте! – почти истерично выкрикнул мистер Дарлинг. – Жалейте Нану! Меня никто не пожалеет. Ни одна душа! Я же у вас только добытчик! Зачем меня жалеть? Действительно, зачем?!

– Джордж, – взмолилась миссис Дарлинг, – не так громко: слуги услышат.

Они почему-то всегда говорили про Лизу «слуги».

– Пусть слышат! Да, пусть хоть весь мир услышит. Но я не позволю больше собаке командовать в моём доме.

Нана бросилась было к хозяину с немой мольбой, но он замахал на неё руками. Мистер Дарлинг снова чувствовал себя сильным.

– Всё, всё! Прочь, твоё место во дворе! Там я тебя и привяжу сию минуту.

– Джордж, подожди, – прошептала миссис Дарлинг, – вспомни, что я говорила тебе о мальчике.

Но муж был не в состоянии её слушать, потому что горел желанием показать, кто в доме хозяин, а когда команды не подействовали, лаской выманил Нану из конуры, а затем, грубо схватив за ошейник, потащил прочь из детской. Мистеру Дарлингу было стыдно, но остановиться он уже не мог. А всему виной была его впечатлительная натура и жажда восхищения. Привязав собаку на заднем дворе, он уселся в коридоре и заплакал, закрыв лицо руками.

В это время в непривычной тишине миссис Дарлинг уложила детей спать и зажгла ночники. До них донёсся лай Наны, и Джон прошептал:

– Это потому, что он сажает её на цепь.

Однако Венди оказалась проницательнее:

– Нана лает не потому, что расстроена, а потому, что чует опасность.

Опасность!

– Ты уверена, Венди?

– О да!

Миссис Дарлинг вздрогнула и подошла к окну, плотно закрытому, и посмотрела в ночное небо, усеянное звёздами. Они собрались над домом, словно им не терпелось увидеть, что же там произойдёт, но миссис Дарлинг не заметила этого, как не заметила и того, что пара самых маленьких звёзд будто бы подмигнула ей. Объятая безотчётным страхом, она воскликнула:

– И зачем только мы приняли это приглашение в гости!

Даже сонный Майкл понял, что она беспокоится, и спросил:

– Мама, что может случиться, когда горят ночники?

– Да, ты прав, дорогой: ничего, ведь ночники – это мамыны глаза, которые приглядывают за детьми.

Она подошла к детским кроваткам и запела колыбельную.

– Мама, я так тебя люблю! – обхватив её ладонь своими ручонками, воскликнул Майкл.

Это были последние слова, которые миссис Дарлинг услышала от сына перед долгой-долгой разлукой.

Дом номер 27 находился неподалёку, но шёл лёгкий снежок, и Дарлинги с осторожностью ступали по дороге, чтобы не испортить обувь. Улица была совершенно пустынна, и только с неба за ними наблюдали звёзды. Несмотря на свою красоту, эти небесные светила обречены лишь пассивно созерцать всё происходящее сверху. Это было их наказанием за что-то случившееся так давно, что никто уже и не помнил, за что. Старые звёзды смотрели на всё отрешённо и редко разговаривали (а общаются звёзды, перемигиваясь), но молодые проявляли ко всему большое любопытство. Питера они не особенно любили, поскольку он имел привычку, незаметно подкравшись сзади, пытаться их задуть, но сегодня им так хотелось поразвлечься, что они были целиком на его стороне и не могли дожидаться, когда взрослые уйдут. Как только дверь дома номер 27 за мистером и миссис Дарлинг закрылась, на небе поднялась суматоха и самые маленькие звёзды Млечного Пути воскликнули:

– Питер, давай!

Улетаем, улетаем!

После ухода мистера и миссис Дарлинг ночники у детских кроватей ещё некоторое время горели ярко. Это были очень симпатичные маленькие ночники, но, к сожалению, появление Питера проспали. Первым заморгал ночник Венди, затем так сладко зевнул, что остальные два не удержались и тоже начали зевать, а потом, не успев закрыть рты, погасли.

Комната наполнилась другим светом, в тысячу раз ярче, чем если бы горели все ночники. Пока речь шла о Питере, он в поисках своей тени уже успел побывать во всех ящиках комода, перерыл шкаф и вывернул все карманы. Что же касается света, это был с необыкновенной быстротой метавшийся по детской огонёк, а стоило ему хоть на секунду остановиться, можно было заметить, что это фея ростом с ладошку, хотя до конца она ещё не выросла. Девочку-фею звали Медный Колокольчик, или просто Динь, и одета она была весьма изысканно: в платье из сухого листа с глубоким квадратным вырезом, которое подчёркивало достоинства фигурки, надо заметить, полноватой.

Через мгновение после появления феи звёздочки подули в окно, оно распахнулось, и в комнату спрыгнул Питер. Часть пути он нёс фею в руке, и на ней осталась волшебная пыльца. Увидев, что дети спят, Питер тихо позвал:

– Динь, ты где?

В этот самый момент она как раз забралась в кувшин: в таких местах она никогда в жизни ещё не была – и ей там очень понравилось.

– Давай вылезай из кувшина и скажи, куда они спрятали мою тень.

Ответом ему был переливчатый звон колокольчиков – так изъясняются феи. Обычным детям не дано слышать эти звуки, но если бы кто-то всё же услышал, то наверняка сказал бы, что они ему знакомы.

По подсказке Динь Питер ринулся к комоду и принялся двумя руками выбрасывать содержимое ящиков на пол, словно король – медяки в толпу. Наткнувшись на тень, он так обрадовался, что не заметил, как задвинул ящик, куда успела залезть маленькая фея.

Вероятно, в эту минуту он думал (хотя я очень сомневаюсь, что у него вообще имелась привычка думать), что, стоит приложить тень к себе, она тотчас прирастёт, и когда этого не произошло, Питер растерялся. Он попробовал было прилепить её мылом, которое прихватил в ванной, но не тут-то было. Словно судорога прошла по его телу и, опустившись на пол, Питер заплакал.

Его рыдания разбудили Венди, но она совсем не испугалась, увидев плачущего незнакомца, а, напротив, очень заинтересовалась и вежливо спросила:

– Мальчик, почему ты плачешь?

Питер тоже умел быть вежливым: перенял хорошие манеры от фей во время их церемоний – поэтому встал и с величайшей учтивостью поклонился Венди. Польщённая девочка отвесила ответный поклон прямо с кровати.

– Как тебя зовут? – поинтересовался Питер.

– Венди Мойра Анджела Дарлинг, – не без некоторой гордости ответила она. – А тебя?

– Питер Пэн.

Венди сразу поняла, что это он, Питер Пэн, но имя у него оказалось каким-то уж слишком коротким.

– И всё?

– Да.

Впервые в жизни Питер обратил внимание на то, что его имя действительно коротковато, и потому его ответ прозвучал резко.

– Прости, – произнесла Венди Мойра Анджела.

– Ничего, – выдохнул Питер.

Она спросила, где он живёт, и Питер ответил:

– Второй поворот направо, и дальше напрямик до рассвета.

– Какой смешной адрес!

Внезапно Питер осознал, что адрес и вправду смешной, но вслух произнёс:

– Нисколько.

– Я имела в виду, – смутилась Венди, вспомнив, что он гость, – то, что пишут на письмах. Лучше бы ей не упоминать письма!

– Я их не получаю! – презрительно сказал Питер.

– Ну, может быть, твоя мама?

– У меня нет мамы!

Мало того что у него не было мамы, не было ни малейшего желания её иметь. Питер считал, что вполне можно обойтись и без мамы, а Венди заподозрила, что за этим кроется какая-то трагедия.

– О, Питер, теперь я понимаю, почему ты плакал! – вскочив с кровати, бросилась к мальчику Венди.

– И вовсе не поэтому я плакал! – возмутился Питер. – У меня не получается прилепить свою тень. Да и вообще: с чего ты взяла, что я плакал?

– Она отлепилась?

– Да.

Когда Венди увидела на полу тень, которая выглядела ужасно, ей стало жаль Питера.

– Кошмар! – произнесла девочка, с трудом подавив улыбку, когда поняла, что он пытался прилепить тень мылом.

Впрочем, что ещё можно ожидать от мальчика!

К счастью, она сразу догадалась, что следует сделать, и покровительственно заявила:

– Её нужно пришить!

– Что значит «пришить»?

– Какой же ты невежда!

– Вовсе нет.

Но Венди не желала признавать, что они с Питером одного роста, и всё тем же покровительственным тоном заявила:

– Давай я пришью её к тебе, малыш.

Девочка достала принадлежности для шитья и, прилаживая тень к ногам мальчика, предупредила:

– Будет немного больно.

– Не бойся, не заплачу! – заявил Питер, будто ни разу в жизни не проронил ни слезинки.

И действительно: стиснув зубы, мальчик не издал ни звука – и вскоре тень была там, где ей надлежит быть, хотя и несколько помятая.

«Наверное, нужно было её погладить», – спохватилась Венди, но Питер, как и все мальчишки, равнодушный к своему внешнему виду, уже всю скакал по комнате и, позабыв поблагодарить Венди, твёрдо уверенный, что всё сделал сам, восторженно приговаривал:

– Какой же я умный! Ну прямо-таки гений!

Нужно сказать, хотя это и не очень приятно, Питер был ужасный зазнайка. А если уж быть до конца откровенным, то второго такого самодовольного мальчишки не найдёшь в целом свете!

Венди была так поражена, что воскликнула с язвительной усмешкой:

– Ты считаешь, что я здесь ни при чём?

– Ну нет, конечно, кое-что сделала и ты, – небрежно бросил Питер, продолжая выделывать кульбиты.

– «Кое-что», значит... – обиделась Венди. – Что ж, если от меня нет никакого толка, тогда я удаляюсь.

Девочка с достоинством прыгнула в кровать и с головой накрылась одеялом. Чтобы выманить её оттуда, Питер притворился, что уходит, а когда это не помогло, уселся на спинку кровати и, легонько похлопав ногой по одеялу, попросил:

– Венди, не прячься. Знаешь, я всегда бываю немножко сумасшедшим, когда доволен собой.

Девочка не спешила вылезти из укрытия, но чувствовалось, что к его словам прислушивается изо всех сил.

Питер между тем продолжил сладким голосом, который безотказно действовал на всех особ женского пола:

– Венди, уверяю тебя: одна девочка полезнее двадцати мальчишек.

После таких слов Венди, будучи пусть юной, но всё-таки женщиной, высунула наружу нос.

– Ты правда так думаешь, Питер?

– Конечно!

– Это очень мило с твоей стороны! В таком случае я вылезаю.

Усевшись рядом с ним на краешек кровати, Венди пообещала, что, если он не против, наградит его поцелуем, но Питер, который понятия не имел, что это такое, с готовностью протянул руку.

– Ты что, не знаешь, что такое «поцелуй»? – спросила Венди, явно ошеломлённая.

– Вот подаришь, и узнаю, – неуверенно проговорил Питер.

Чтобы не обидеть и ненароком не упрекнуть в невежестве, Венди протянула ему напёрсток.

– А теперь можно мне? – спросил мальчик.

– Если хочешь, – немного чопорно ответила девочка.

Венди несколько опрометчиво склонилась к нему, но Питер всего лишь уронил ей в ладошку жёлудь. Она неторопливо отвернулась и вежливо пообещала повесить этот «поцелуй» на цепочку и носить на шее. К счастью, именно это впоследствии и спасло ей жизнь.

Когда люди одного круга знакомятся, у них принято интересоваться возрастом друга, и Венди, всегда старавшаяся делать всё как надо, спросила Питера, сколько ему лет. Надо признать, этот вопрос не относился к разряду удачных. Так обычно бывает на экзамене, когда хочешь вытащить билет про английских королей, а тебе достаётся английская грамматика.

– Я не знаю... – Вопрос явно поставил Питера в тупик: он никогда над этим не задумывался, поэтому ответил наугад: – Я сбежал в тот же день, когда родился.

Венди была удивлена, но ответ мальчика так её заинтриговал, что, словно светская дама, слегка дотронувшись до своей ночной рубашки, жестом пригласила его сесть поближе.

– А всё потому, что я услышал разговор родителей, – объяснил Питер почти шёпотом, – когда они обсуждали, кем я буду, когда вырасту.

Эта тема его явно очень волновала.

– Я не хочу становиться взрослым! – воскликнул он с жаром. – Хочу всегда оставаться маленьким мальчиком и весело проводить время, поэтому и сбежал в Кенсингтонский сад, где и жил среди фей и эльфов.

Во взгляде Венди Питер увидел восхищение и решил, что это из-за его побега, но в восторг привело девочку не это, а его знакомство с феями. Будучи домашним ребёнком, она и подумать не могла, что можно вот так запросто общаться с феями, и эта мысль казалась ей восхитительной. Венди тут же засыпала Питера вопросами о феях, чему он немало удивился, потому что они порядком ему надоели: вечно путались под ногами и всё такое прочее, так что время от времени приходилось задавать им небольшую трёпку – но в целом он относился к ним совсем неплохо и даже рассказал, как феи появились на свете.

– Знаешь, Венди, когда самый первый на свете ребёнок засмеялся впервые, его смех разбился на тысячу кусочков, которые раскатились по земле и превратились в фей.

Не слишком интересный рассказ, но Венди, которая большую часть времени проводила в стенах детской, понравился, а Питер продолжил:

– У каждого ребёнка должна быть своя фея.

– Должна? Но её нет?

– Нет. Сейчас дети так много всего знают, что скоро совсем перестанут верить в фей и эльфов. Каждый раз, когда какой-нибудь ребёнок говорит: «Я не верю в фей», где-то на свете фея падает замертво.

Питер решил, что они уже довольно поговорили о феях, и ему внезапно пришло в голову, что Медный Колокольчик ведёт себя подозрительно тихо.

– Ума не приложу, куда она могла деться, – проговорил Питер и принялся звать её по имени.

– Питер, – воскликнула Венди, хватая его за руку, – неужели в этой комнате фея? Сердце девочки едва не выпрыгнуло из груди.

– По крайней мере, была только что. Слышишь?

Они оба замерли и прислушались.

– Единственное, что я слышу, – сообщила Венди, – это что-то похожее на звон колокольчиков.

– Так это и есть Динь. Она говорит на языке фей. Кажется, я тоже слышу.

Звук доносился из комода, и Питер скорчился от смеха. Кажется, никто на свете так не веселился и не смеялся, словно первый раз в жизни.

– Венди, – в восторге прошептал Питер, – я запер её в ящике!

Он освободил бедную Динь из заточения, и она принялась кружить по детской, громко возмущаясь.

– Не надо говорить такие вещи, – возражал ей Питер. – Я, конечно, виноват, но откуда мне было знать, что ты в ящике?

Венди, не слушая его, воскликнула:

– О, Питер, пусть она чуть-чуть постоит спокойно – я хочу её рассмотреть!

– Они никогда не стоят спокойно, – ответил Питер.

В какой-то момент Венди удалось увидеть маленькую фигурку, усевшуюся на часы с кукушкой, и девочка воскликнула, хотя лицо Динь было перекошено от гнева:

– Какая прелесть!

– Динь, – примирительно сказал Питер, – эта леди хотела бы, чтобы ты стала её феей.

В ответ посыпались ругательства.

– Что она сказала, Питер?

Ему пришлось перевести:

– Она не очень вежлива... говорит, что ты большая уродливая девчонка, а фея она моя.

Он попытался было возразить:

– Ты знаешь, Динь, что не можешь быть моей феей, потому что я джентльмен, а ты леди.

В ответ Питер услышал нелицеприятное «дурак», и Динь, фыркнув, удалилась в ванную.

– Не обращай внимания: она не слишком воспитанная, – пояснил Питер. – Её зовут Медный Колокольчик, потому что она покровительствует лудильщикам.

Они расположились в кресле, и девочка засыпала его вопросами:

– Если теперь ты не живёшь в Кенсингтонском саду...

– Временами живу.

– А где в основном?

– С потерянными детьми.

– Кто это?

– Дети, которые выпали из колясок по недосмотру нянь или родителей. Если их никто не хватится в течение недели, то они отправляются в далёкую Нигделандию, где я главный.

– Как это, должно быть, весело!

– Да, – согласился хитрец, – но немного одиноко: ведь у нас нет женского общества.

– А как же девочки?

– Нет, девочки, знаешь ли, слишком разумны, чтобы выпадать из колясок.

Венди была польщена:

– Мне нравится, как ты говоришь о девочках. Джон, например, нас просто презирает.

В ответ Питер вскочил и одним рывком сбросил Джона с кровати вместе с одеялом. Однако Венди решила, что это уже слишком для первой встречи, и сердито заметила, что в этом доме он не главный. Поскольку Джон преспокойно продолжал спать и на полу, она решила его не трогать.

– Я знаю, что ты это сделал не со зла, – смягчилась девочка, – поэтому можешь подарить мне поцелуй.

Она совершенно забыла, что ему неизвестно значение слова «поцелуй».

– Я так и знал, что ты попросишь его обратно, – с горечью произнёс Питер, протягивая ей напёрсток.

– Нет-нет, – поправилась добрая Венди, – я имела в виду не поцелуй, а напёрсток.

– Что это такое?

– А вот что!

Девочка быстро чмокнула его в щёку, на что Питер очень серьёзно сказал:

– Занятно... А теперь моя очередь подарить тебе напёрсток?

– Если хочешь.

Питер неловко её поцеловал, и в тот же момент она вскрикнула.

- В чём дело, Венди?
- Кажется, кто-то дёрнул меня за волосы!
- Наверное, это Динь. Вот уж не думал, что она такая проказница. Фея вновь заметалась по комнате, изрыгая брань.
- Она говорит, что так будет каждый раз, если я попытаюсь подарить тебе напёрсток.
- Но почему?
- Почему, Динь?
- Дурак! – Опять прозвучало в ответ.

Питер ничего не понял, зато поняла Венди. Её немного разочаровало, когда мальчик признался, что оказался у окна их детской вовсе не из-за неё, а чтобы послушать сказки.

- Я ведь не знаю ни одной, да и потерянные мальчишки слишком малы, чтобы знать.
- Как это грустно, – вздохнула Венди.

– Теперь я знаю, почему ласточки выют гнёзда под крышами домов, – добавил Питер. – Чтобы слушать сказки. А твоя мама как раз рассказывала такую чудесную...

- Какую?
- О принце, который искал девушку, потерявшую хрустальный башмачок.
- А, это «Золушка». Не волнуйся: всё кончилось хорошо – он её нашёл, и зажили они счастливо.

Питер вскочил с пола и ринулся к окну.

- Куда ты? – воскликнула Венди.
- Рассказать мальчишкам.
- Не уходи, Питер, пожалуйста, я знаю ещё много сказок.

Да, вот так она и сказала, и, следует признать, именно эти слова навели Питера на некую мысль...

Он вернулся и как-то странно посмотрел на неё, но это, к сожалению, не насторожило Венди, и она добавила:

- Ты потом сможешь пересказать их своим мальчишкам.
- Но Питер её уже не слушал: схватив за руку, тащил к окну, – и девочка испугалась:
- Отпусти меня! Что ты делаешь?

– Венди, полетим со мной, и ты сама расскажешь им сказку... много сказок! Разумеется, ей польстила эта просьба, но она ответила:

– Но... как? Нет, я не могу. Здесь мамочка, братья... Да и летать я не умею.

– Я тебя научу: покажу, как оседлать ветер, и мы помчимся.

– Ого! – в восторге воскликнула девочка. – Это, наверное, здорово!

– Венди, вместо того чтобы здесь тупо спать, ты могла бы летать со мной и играть со звёздами.

– Ух ты!

– А ещё там русалки!

– Настоящие? С хвостами?

– Да, с длинными-предлинными.

– Вот это да! Никогда не видела русалок!

Хитрость и лесть Питера не знали границ:

– А как бы мы все тебя уважали!

Рассыпаясь в комплиментах, маленький хитрец потихоньку подталкивал её к окну, не испытывая к девочке жалости, так что она с трудом удерживалась на полу детской.

– Ты могла бы укрывать нас одеялами по ночам.

– Да.

– Тем более что нас никто никогда не укрывал.

Уже не сопротивляясь, Венди протянула к нему руки.

– У тебя появится возможность чинить нашу одежду и пришивать к ней карманы – ни у кого из нас нет карманов.

Ну как тут устоишь?

– Вот здорово! – воскликнула Венди. – Питер, а Джона и Майкла мы возьмём?

– Если хочешь, – произнёс он холодно и равнодушно пожал плечами.

А Венди подбежала к братьям и принялась их трясти.

– Вставайте! Питер Пэн приглашает нас в гости.

– Встаю, встаю, – пробубнил Джон, протирая глаза и поднимаясь с пола. – Всё, уже встал!

Привет!

Майкл тоже вскочил, как будто и не спал, но Питер внезапно приложил палец к губам. На детских мордашках появилось то самое выражение, с которым дети обычно прислушиваются к звукам, доносящимся из мира взрослых. Кругом стояла полная тишина, ни одного подозрительного звука. Нет, стойте! Вот это-то и странно. Нана, которая весь вечер отчаянно лаяла, теперь молчала. Её молчание и слышали дети.

– Гасите свет! По местам! Скорее! – скомандовал Джон – кажется, единственный раз в жизни.

И тут в детскую вошла Лиза, придерживая за ошейник Нану. Тёмная комната выглядела вполне обычно, трое проказников привычно сопели во сне (прячась за гардиной, они делали это мастерски).

Лиза выглядела страшно недовольной: из-за глупых подозрений Наны ей пришлось оставить своё занятие – приготовление рождественского пудинга. Она даже не успела снять со щеки прилипшую изюминку.

Решив, что лучший способ успокоить собаку – это привести её на минуту в детскую, разумеется, на поводке, горничная попеняла Нане, втайне довольная её опалой:

– Смотри, ты, подозрительная зверюга: все в целости и сохранности. Маленькие ангелочки спят в своих кроватках и видят десятый сон. Слышишь, как мирно дышат?

Тут Майкл, довольный похвалой, засопел так громко, что их едва не разоблачили. Нана знала эти штучки, поэтому принялась рваться из рук Лизы, но это было не так-то просто.

– Хватит уже, уймись! – прошипела служанка и потащила собаку из детской. – Учти, если ещё хоть раз гавкнешь, я приведу сюда из гостей хозяина и хозяйку, тогда тебе зададут трёпку!

Лиза привязала несчастную собаку во дворе, но Нана и не думала замолкать. Вынудить служанку привести хозяев домой и было её целью. Её совершенно не заботила предстоящая трёпка, если питомцам грозила опасность. К несчастью, бестолковая девчонка опять занялась пудингом, и Нана, поняв, что помощи ждать неоткуда, принялась рваться с цепи. Наконец ей удалось освободиться, и через минуту она влетела в гостиную дома номер 27 и воздела передние лапы к небу – самый отчаянный жест, на который была способна. Мистер и миссис Дарлинг сразу поняли, что в детской случилось что-то ужасное, и, не попрощавшись с хозяевами, пулей вылетели на улицу.

Однако с того момента, когда проказники провели служанку сопением за гардиной, прошло уже десять минут, и за это время Питер Пэн сумел успеть очень многое.

Давайте и мы вернёмся в детскую.

– Они ушли, – объявил Джон, выходя из укрытия. – Слушай, Питер, это правда, что ты можешь летать?

Вместо ответа Питер взмыл к потолку и описал круг по комнате, по пути подержавшись за каминную полку.

– Блеск! – хором воскликнули братья.

– Как мило! – подхватила их восторг Венди.

– Да, я милый, ужасно милый! – выкрикнул Питер, забыв о хороших манерах.

Казалось, летать вовсе не сложно, и они начали пробовать подняться в воздух сначала с пола, а затем с кроватей, но всё время почему-то получалось, что летели вниз, а не вверх.

– Почему ты не падаешь? – спросил Джон, потирая колено. Он был практичным молодым человеком.

– Просто нужно думать, как я, о чём-то приятном, и эти мысли поднимут в воздух.

Питер ещё раз показал, как нужно летать, но практичный Джон попросил:

– Нельзя ли помедленнее?

Питер показал дважды: быстро и медленно.

– Я понял, Венди! – воскликнул Джон, но тотчас убедился, что опять ничего не понял.

Никому из них не удавалось подняться в воздух и на дюйм, хотя даже маленький Майкл умел читать слова из двух слогов, в то время как Питер не мог отличить букву «А» от буквы «Б».

Конечно, Питер откровенно над ними издевался: никто не сможет летать, пока на него не посыпали волшебную пыльцу. К счастью, как мы уже заметили, на одной руке мальчика сохранилась эта пыльца, и, сдув её на детей, он велел:

– А теперь просто поведите плечами вот так, и летите.

Дети стояли на своих кроватях, и отважный Майкл попробовал первым.

Честно говоря, он не очень рассчитывал на успех, но неожиданно у него получилось. Закружив по комнате, мальчик выкрикнул в восторге:

– Я летаю!

Джон тоже взлетел и встретился с Венди возле ванной.

– Восхитительно!

– Здорово!

– Смотри!

– А ты на меня!

– Нет, на меня!

Они, конечно, летали не так ловко, как Питер: дрыгали ногами, ударялись о потолок – но с ощущением полёта ничто не могло сравниться. Питер хотел было предложить Венди руку, но Динь впала в такую ярость, что он передумал.

Так они и летали: вверх-вниз, из стороны в сторону, и единственное, что пришло на ум Венди, это – «божественно».

– А давайте, – предложил Джон, – полетим на улицу?

Именно этого Питер и хотел.

Майкл был готов: ему хотелось узнать, за сколько времени можно пролететь миллион миль, – но Венди колебалась.

– Русалки! – напомнил Питер.

– Ух ты!

– Пираты!

– Пираты! – завопил Джон, хватая свою выходную шляпу. – Полетели прямо сейчас.

А в это время мистер и миссис Дарлинг вместе с Наной, выбежав из дома номер 27, остановились посреди улицы, чтобы взглянуть на окно детской. В комнате было светло, и, что самое ужасное, сквозь занавеску можно было различить три маленькие тени в ночных рубашках, которые кружили по комнате, но не по полу, а по воздуху... Нет, не три, а четыре!

Дрожащими руками открыли они дверь. Мистер Дарлинг сразу бросился наверх, но жена знаком попросила не шуметь. Ей казалось, что даже удары собственного сердца слышны во всём доме.

Вы думаете, они успели? Если так, то мы все с облегчением вздохнём, но рассказывать дальше будет нечего, ну а если всё же не успели, то я торжественно клянусь: всё закончится хорошо!

Родители, конечно, успели бы, если бы маленькие звёздочки не шпионили за ними. Они снова дунули, и окно распахнулось, а самая маленькая звёздочка крикнула:

– Спасайся, Питер!

И он приказал, поняв, что нельзя терять ни секунды:

– Улетаем!

Питер прыгнул в окно, за ним последовали Джон, Майкл и Венди, и в этот момент в комнату ворвались мистер и миссис Дарлинг вместе с Наной. Слишком поздно: птички упорхнули.

Полёт

«Второй поворот направо, и дальше напрямик до рассвета». Это был, по словам Питера, путь в Нигделандию, но даже птицы, путешествовавшие с картами и сверявшие по ним свой путь на ветреных перекрёстках, никогда не могли бы добраться туда, если бы послушались Питера, потому что он, знаете ли, сказал первое, что пришло в голову.

Поначалу спутники полностью доверяли Питеру. Чувство полёта было таким упоительным, что они с удовольствием облетали со всех сторон шпили и высокие постройки, попадавшиеся на пути. Джон и Майкл летали наперегонки, и хотя Майкл победил, оба с презрением вспоминали, как совсем ещё недавно чувствовали себя героями, кружась по комнате.

Совсем недавно – это когда? Они как раз пролетали над морем, когда этот вопрос стал всерьёз беспокоить Венди. Джон считал, что это было второе море на их пути и третья ночь полёта.

Тьма сменяла свет, а холод – жару. Они на самом деле чувствовали временами голод или просто притворялись, поскольку Питер добывал для них еду довольно странным и занятным способом: гонялся за птицами, если замечал у них в клюве что-то пригодное для людей, и отнимал, а птицы потом гонялись за ним, пытаясь это вернуть обратно. Так они играли в догонялки довольно долго, а расставались, вполне довольные друг другом. Венди с некоторым беспокойством замечала, что Питер не считает такой способ добывания пропитания чем-то странным и совсем не ведает, что есть и другие способы.

Конечно, спящими они не притворялись, а засыпали на самом деле, и в этом таилась опасность: стоило им задремать, как они тотчас падали вниз. Самое ужасное заключалось в том, что Питер находил это очень смешным.

– Опять пошёл! – кричал он весело, когда Майкл внезапно камнем устремлялся вниз.

– Спаси его, спаси! – вопила Венди, с ужасом глядя на суровое море далеко внизу.

В конце концов Питер, совершив кульбит в воздухе, подхватывал Майкла у самой воды и делал это с необыкновенной ловкостью, но всегда дотягивал до последнего. Было понятно, что он упивается собственным проворством, а совсем не тем, что спасает жизнь человеку. Ко всему прочему, у Питера то и дело менялось настроение: то, что занимало его в эту минуту, могло оставить совершенно равнодушным в следующую, поэтому всегда существовало опасение, что, когда будешь падать, он и пальцем не шевельнёт.

Сам он мог спать в воздухе, просто лёжа на спине, но эта способность частично объяснялась его необыкновенной лёгкостью: казалось, если в это время на него подуть, он поплывёт быстрее.

– Будь с ним повежливее, – шепнула Венди Джону, когда они играли в «делай как я».

– Тогда скажи ему, пусть не задаётся, – ответил Джон.

Забавляясь этой игрой, Питер обычно летел над самой водой и дотрагивался до хвостов попадавшихся на пути акул так, как вы, шагая по улице, «пересчитываете» пальцем прутья

железной ограды. Они не могли повторить этот трюк и считали, что Питер задаётся, особенно потому, что он всегда оглядывался и смотрел, сколько хвостов про-пустили.

– Не надо с ним ссориться, – внушала Венди братьям. – Что будем делать, если он нас бросит?

– Вернёмся назад, – заявил Майкл.

– Как мы найдём дорогу без него?

– Тогда летим дальше, – сказал Джон.

– Это и есть самое ужасное. Мы должны лететь дальше, потому что не знаем, как остановиться.

Так и было: Питер забыл показать, как останавливаться.

Джон заметил, что в самом крайнем случае надо просто лететь вперёд: поскольку Земля круглая, в один прекрасный момент они вновь окажутся перед своим окном.

– А кто станет добывать нам еду, Джон?

– Забыла, как ловко я вырвал кусочек из клюва орла?

– С двадцатой попытки, – напомнила Венди брату. – Даже если мы научимся добывать себе еду, как не столкнуться с облаками, если нам никто не будет помогать?

Они действительно постоянно сталкивались с облаками. Сейчас они уже чувствовали себя в воздухе увереннее, хотя и по-прежнему чрезмерно брыкались, но, завидев впереди облако, чем больше старались его обогнать, тем вернее на него натыкались. Если бы сейчас с детьми была Нана, то давно забинтовала бы Майклу голову.

Питер в очередной раз отсутствовал, и детям было очень одиноко. Благодаря тому, что летал гораздо быстрее, он часто исчезал из виду по каким-то своим делам, посвящать в которые их не считал нужным. Затем он неожиданно спускался откуда-то сверху, смеясь над чем-то забавным, что сказал звезде, хотя, что именно, уже забыл, или выныривал снизу с прилипшими к коже русалочьими чешуйками, но о том, где был и что делал, толком не рассказывал.

Дети никогда не видели русалок, и их обижало поведение Питера.

– Если он так быстро о них забывает, – размышляла Венди, – можно ли с уверенностью сказать, что он так же легко не забудет о нас?

Между тем иногда, возвращаясь, он не помнил про них – по крайней мере, не знал точно, кто они. Венди была в этом уверена, потому что однажды, когда он чуть было не пролетел мимо них дальше, уловила выражение узнавания в его глазах, а ещё как-то раз даже пришлось напомнить Питеру, как её зовут.

Он тогда очень расстроился и покаянно прошептал:

– Знаешь, если ещё раз заметишь, что я забыл тебя, просто скажи «я Венди», и я вспомню.

Конечно, это было неприятно, однако в качестве утешения он показал, как можно спать на попутном ветре, и это было так приятно, что, потренировавшись несколько раз, дети с удовольствием заснули. Они бы поспали подольше, но Питеру это было скучно, и вскоре он командовал:

– Подъём! Мы здесь выходим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.